

Николай Добролюбов

**Первые годы царствования
Петра Великого**

Николай Добролюбов

**Первые годы царствования
Петра Великого**

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

Первые годы царствования Петра Великого / Н. А. Добролюбов —
«Public Domain», 1858

Суждения Добролюбова о Петре I и его реформах полемически направлены против точек зрения, развивавшихся в официальной, славянофильской и либерально-буржуазной исторической науке. Добролюбов доказывал, что петровские преобразования были подготовлены всем ходом предшествующего развития России, что сами эти преобразования были исторической необходимостью, продиктованы интересами народа и государства и поэтому исторически прогрессивны.

Содержание

Статья первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14
Комментарии	

Николай Александрович Добролюбов

Первые годы царствования Петра Великого

*(История царствования Петра Великого. Н. Устрялов. СПб., 1858,
три тома)*

*Петр действовал совершенно в духе народном, сближая свое
отечество с Европою и искореняя то, что внесли в него татары временно
азиатского.*

(«Отечественные записки», 1841, Критика)^[1]

Статья первая

Мы спешим представить нашим читателям отчет о сочинении г. Устрялова, хотя очень хорошо сознаем, что полная и основательная оценка подобного сочинения потребовала бы весьма продолжительного труда даже от ученого, специально изучавшего петровскую эпоху. По всей вероятности, с течением времени и будут являться разные дополнения или пояснения к труду г. Устрялова со стороны наших ученых специалистов, дружными усилиями своими так усердно двигающих вперед русскую науку. Мы же, с своей стороны, вовсе не имеем в виду специальных указаний на какие-либо частные и мелкие подробности, недосказанные или не совершенно выясненные в истории Петра Великого. Мы хотим просто, воспользовавшись материалом, собранным в сочинении г. Устрялова, передать читателям главнейшие результаты, добытые трудами почтенного историка. На это, думаем мы, дает нам право самый характер и значение сочинения г. Устрялова, которое так давно уже было ожидаемо русской публикой.

История Петра, начало которой издано ныне г. Устряловым, бесспорно принадлежит к числу сочинений ученых, сообщающих новые данные, говорящих новое слово о своем предмете. Обыкновенно у нас такие сочинения не подлежат не только общему суду, но даже и просто чтению. Читатели если и принимают за них, то никак не доходят далее второй страницы. Ученые авторы обвиняют за это читателей в равнодушии и пренебрежении к науке, и ученые авторы, вероятно, правы, с своей ученой точки зрения. Но не совсем неправа и публика, с точки зрения просто образованной. Нет сомнения, что образованному человеку полезно знать, например, в 855 или в 857 году изобретена славянская азбука; полезно иметь сведение о том, читал ли Кирилл Туровский Библию и были ли в древней Руси люди, знавшие по-испански; полезно знать и то, как следует перевести сомнительный аорист в Фукидидовой истории; – все это очень полезно... Но отсюда все-таки никак не следует, чтобы образованному человеку необходимо было читать толстые книги для разрешения важных и занимательных вопросов, подобных тем, которые мы сейчас придумали для примера. Следовательно, нечего удивляться, нечего и винить публику в невежестве, если она не читает ни сочинений, имеющих специальную цель – движение науки вперед, ни ученых разборов, имеющих в виду ту же высокую цель. Потомство будет, конечно, справедливее, но большинство наших современников, к сожалению, совершенно равнодушно к замечательным успехам наших ученых. Оно как будто не замечает их и, кажется, ждет применения микроскопа к рассматриванию богатых вкладов русских ученых в общую сокровищницу науки.

При таком положении дел весьма естественно образовалось между публикою и писателями безмолвное соглашение такого рода. Если является книга, трактующая об ученых предметах, то уже публика и понимает, что это, верно, написано – во-первых, для движения науки

вперед, а во-вторых – для такого-то и такого-то специалиста (они всегда известны наперечет). Специалисты, в свою очередь, знают, что это для них писано, и принимаются за ученую критику, назначая ее для автора книги и для двух-трех своих собратий, из которых один сочинит, пожалуй, и замечания на критику. Разумеется, специалисты, споря о том, в XI или в XII веке жил монах Иаков, представляют дело в таком виде, как будто бы от него зависела развязка индийского восстания,^[2] вопрос аболиционистов^[3] или отращивание кометы, которая снова, кажется, намерена угрожать Земле в этом году. Но публика не воображает, что дело так важно, и спор о разных тонкостях слога, хотя бы в самой летописи Нестора, – не производит переворота в общественных интересах. Наука остается сама для себя, и ученые гордятся своими открытиями только в кругу ученых, оплакивая невежество публики, не умеющей ценить их.

Но оказывается, что публика знает несколько толк в ученых делах и даже отличается в этом отношении редким тактом. Она не знает ученых, разбирающих ханские ярлыки^[4] и сравнивающих разные списки сказания о Мамаевом побоище;^[5] но она всегда с живым участием приветствует писателей, оказывающих действительные услуги науке. Сколько можем мы припомнить прежние отзывы, г. Устрялов не считался у нас в числе записных ученых. Все отдавали справедливость его тщательности в издании памятников, красноречию и плавности слога в его учебниках, ловкости рассказа о событиях новой русской истории;^[6] но отзывы о нем, сколько мы знаем, вовсе не были таковы, как отзывы о разных наших ученых, двигающих науку вперед. А между тем у нас причисляется в ученые всякий господин, открывший хоть маленький, хоть крошечный какой-нибудь фактец, хоть просто ошибочно поставленный год в древнем списке летописи. Это, говорят, ученый, потому что он изучает, и весьма основательно, исторические источники и делает новые соображения, до него неизвестные. По этой мерке г. Устрялов должен стать теперь на недостижимую высоту учености, потому что им открыты или объяснены не два-три ничтожные факта, а сотни подробностей, бросающих действительно новый свет на прежде известные исторические явления. И, несмотря на то, публика не отвернулась от труда г. Устрялова потому именно, что это есть в самом деле важный ученый труд. Успех книги г. Устрялова доказывает, что публика наша умеет отличить массу, – хотя бы и очень тяжелую, – свежих, живых сведений от столь же тяжелой массы ненужных цитат и схоластических тонкостей.

Эта уверенность в том, что новое сочинение г. Устрялова имеет интерес не только специально ученый, но и общественный, дает нам смелость говорить о нем, хотя мы и не можем сделать никаких поправок и дополнений к труду г. Устрялова.

Материал, бывший под руками у г. Устрялова при составлении истории Петра Великого, был очень богат. Ни один из предшествовавших историков Петра не пользовался, конечно, таким обилием источников. Из «Введения» (стр. LXXVII) мы узнаем, что в конце 1842 года автору открыт был доступ во все архивы империи, а в 1845 году дозволено отправиться за границу для обозрения архивов в Вене и Париже. Нечего и говорить о печатных источниках, которыми располагал г. Устрялов и которых количество также значительно. Г-н Устрялов не только воспользовался всеми документами, изданными Миллером, Голиковым, Берхом^[7] и др., но даже *сверил* большую часть их с подлинниками, хранящимися в разных архивах и библиотеках, причем открыл немало ошибок и искажений в печатных изданиях. Кроме того, он рассмотрел еще много таких материалов, которыми до него никто не пользовался. Так, им пересмотрены: *кабинетные бумаги* Петра Великого в государственном архиве, заключающиеся в двух отделениях, – одно из шестидесяти семи, а другое из девяноста пяти фолиантов. В первом из этих отделений находятся 1) материалы для истории Петра Великого, собранные при жизни его: выписки из подлинного дела о стрелецком бунте 1698 года, дело о мятеже башкирском в 1708 году, документы о бунте булавинском; ведомости о числе войск и орудий в разное время, о каналах, заводах, фабриках и пр., о действиях в шведскую войну; журналы походов и путе-

шествий Петра Великого и пр.; кроме того – 2) собственноручные черновые бумаги Петра, – его ученические тетради, проекты законов, указов, рескриптов, счета, письма и пр. Во втором отделении собраны так называемые входящие бумаги, то есть «все, что адресовано было на имя Петра, по всем частям управления, от всех лиц, которые его окружали или решались к нему писать, от Меншикова и Шереметева до последнего истопника». Г-н Устрялов справедливо замечает, что эти письма могут отчасти заменить недостаток современных мемуаров сподвижников Петровых.

Кроме того, г. Устряловым пересмотрены *дела дипломатические* в Главном архиве в Москве; *дела розыскные и следственные*, как-то: дело о Шакловитом, дело о последнем стрелецком бунте 1698 года, дело о царевиче Алексее Петровиче и пр.; *официальные донесения иностранных послов и резидентов*, собранные в Париже и Вене. Из всех этих донесений всего более замечательны донесения цесарского резидента Отто Плейера, бывшего в России от 1692 года до 1718. Во все это время он, по крайней мере раз в месяц, уведомлял самого цесаря о всем, что замечал он в Москве и Петербурге. Наблюдения его, по отзыву г. Устрялова, чрезвычайно добросовестны и отчетливы. Кроме того, г. Устрялов пользовался подлинными записками Патрика Гордона и Галларта, из которых только отрывки были прежде напечатаны, и то весьма *в уродливом виде*.¹ Имея под руками такую массу источников, столь важных и разнообразных, г. Устрялов действительно мог довести свою историю до того, чтобы в ней, как сам он говорит («Введение», стр. LXXXIII), «ни одного слова не было сказано наугад, чтобы каждое из них подтверждалось свидетельством неоспоримым, по крайней мере вероятным».

Труд г. Устрялова тем замечательнее, что у своих предшественников-историков он весьма мало мог находить пособия в своем деле. Во «Введении» он перечисляет всех почему-либо замечательных писателей, составлявших историю Петра, и ни у кого не находит удовлетворительного изложения. В том числе г. Устрялов перечисляет и такие произведения, которые весьма мало известны или и совсем неизвестны публике. Так, во «Введении» сообщаются любопытные подробности о том, как после слабых трудов Феофана Прокоповича и барона Гизена^[8] составлял историю кабинет-секретарь Макаров, которого поправлял и переделывал сам Петр. Макарову поручено было собрание материалов и черновая работа. Года в четыре он составил историю о войне шведской и представил Петру; Петр исправил ее, велел переписать и снова представить ему. Эта вторая редакция также была представлена ему и переделана им; то же было с третьей и четвертой редакцией. Немногие места работы Макарова уцелели, по словам г. Устрялова, так что на это сочинение можно смотреть как на труд самого Петра. Сочинение это было издано кн. Щербатовым под заглавием: «Журнал, или поденная записка Петра Великого, с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира». Но это издание прошло совершенно незамеченным, потому что Щербатов глухо только сказал в предисловии, что «журнал этот сочинен при кабинете государя и правлен его собственною рукою». Никто не знал, какое именно участие принимал Петр в составлении этой истории, и потому на нее смотрели большею частью с недоверчивостью. А между тем труд Петра, по словам г. Устрялова,

¹ До какой степени небрежно поступали прежде при печатании исторических сочинений и документов, можно судить по следующим примерам, найденным нами в книге г. Устрялова. В «Северном архиве» напечатан отрывок из современного русского перевода сочинения Галларта: «Historische Beschreibung des nordischen Krieges» («Историческое описание Северной войны»; нем. – *Ред.*), – и все собственные имена до того изуродованы, что иные трудно узнать. Одна фраза, вместо «послал князь Григорья Федоровича *Долгорукого*, своего камергера», напечатана: «князь Григорья Федоровича за *другого* своего камергера». В заграничных изданиях русские собственные имена коверкались еще больше. Так, в сочинении Невиля «Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. A la Haye 1699» («Новое любопытное повествование о Московии. Гаага, 1699»; франц. – *Ред.*), – русские имена пишутся, например, таким образом: Kenas Iacob Seudrevick – князь Яков Федорович; Levanti Romanorick ne Pleuvan – Леонтий Романович Неплюев; Alexis Samuelerrich – Алексей Михайлович! Забавна ошибка, к которой подало повод такое искажение имен. У Невиля есть фраза: «*Quelque temps après le czar Alexis Samuel Errich se voyant moribond, le (то есть Менезия) déclara gouverneur du jeune prince Pierre (через несколько времени царь Алексей Михайлович, чувствуя приближение смерти, назначил его (Менезия) воспитателем юного царевича Петра)*». Из этого наши историки вывели, что у. Петра был воспитателем какой-то Самуил Эрик!

отличается строгой исторической истиной и беспристрастием. Г-н Устрялов убедился в этом, имев случай поверить все его слова подлинными актами, доселе во множестве сохранившимися, и свидетельством очевидцев, своих и чужеземных. «Во всех случаях Петр с благородною откровенностью говорит о своих неудачах, не скрывая ни огромности потерь, ни важности ошибок, и в то же время с редкою скромностью говорит о своих личных подвигах» (стр. XXXVII). Эта черта должна бы послужить уроком для многих историков, смешивающих историю с панегириком и цветами исторического красноречия заменяющих историческую истину.

К сожалению, последующие историки Петра не следовали, в изображении его деяний, собственному его примеру, – одни по излишнему легковерию, другие по желанию изукрасить простую истину событий. К числу первых принадлежит Голиков и многие из иностранных историков Петра; в числе последних замечателен Крекшин,^[9] которого наши *ученые* принимали, даже до наших дней, – за достоверный источник и авторитет,^{2[48]} но которого г. Устрялов, вслед за Татищевым,^[10] справедливо именует *баснословцем*. Причину всех своих баснословных выдумок Крекшин очень наивно высказывает в предисловии, из которого г. Устрялов приводит следующие слова: «Аз, раб того благочестивого императора, мний всех, милость того на себе имех и дел блаженных его неких самовидец бых; *того ради, по долгу рабства и любви, должен блаженные дела его прославлять, а не образом истории писать дерзаю*. Не буди то в дерзновение моему худоумию, яко недостойн отрешити и ремень сапога его». После такого признания, действительно, трудно доверять Крекшину. Собственно говоря, нельзя строго винить его: мысль его не заключает в себе ничего необыкновенного. Все мы немножко Крекшины в своих научных воззрениях, то есть все основываем нередко общие положения на своих личных понятиях и даже предубеждениях. Русские историки, доселе бывшие, не составляют исключения из этого общего правила. Нередко они приступают к исследованию исторической истины с заранее уже составленным убеждением. Они говорят себе: «*должно* оказаться *то-то*», и действительно оказывается *то-то*. Давно ли мы в своих учебниках твердили, – а подрастающее поколение и теперь еще твердит, – фразы вроде следующей: «История всемирная *должна* говорить о Петре как об исполине среди всех мужей, признанных ею великими; история русская *должна* вписать имя Петра в свои скрижали с благоговением». А что говорится обыкновенно историками о важных лицах, которых история пишется еще при их жизни, – об этом и упоминать нечего.^[11] Но, несмотря на свое внутреннее сходство с Крекшиным, многие историки имеют настолько такта (пожалуй, назовите это хитростью или как-нибудь иначе), чтобы не объявлять о своих задних мыслях во всеобщее сведение. Оттого на них и смотришь как-то доверчивее, чем на Крекшина, который так неловко, в самом начале своей истории, отказывается от всякого права на доверие читателей к истине его повествования. Нельзя не порадоваться, что прошло уже у нас время таких признаний в исторических трудах. Признаемся, мы с удовольствием думали, как далеко ушла в одно столетие наша историческая наука, – сравнивая с забавной наивностью «новгородского баснословца» – твердый и уверенный голос современного историка, способный возбудить к нему полное доверие. Вот что говорит г. Устрялов в конце своего «Введения» (стр. LXXXVIII):

Не смею и думать, чтобы мне удалось написать историю Петра, достойную его имени; но вправе считаю себя сказать, что я вполне понимал всю святость добровольно принятой на себя обязанности быть его историком. Он, неумолимо строгий к себе и к другим в деле истины, служил мне руководителем. Самое тщательное изучение фактов при помощи архивов, разборчивая проверка современных сказаний, неличеприятное беспристрастие,

² Например, автор статьи «Правление царевны Софии», помещенной в «Русском вестнике» 1856 года и обратившей на себя внимание многих, ссылается на сказания Крекшина как на свидетельства вполне надежные и неоспоримые.^[48]

^[48] Речь идет о статье П. К. Щербальского («Русский вестник», 1856, март, кн. 1 и 2; апрель, кн. 1, и май, кн. 1).

добросовестное изложение всех подробностей исторических, какие только встречались мне не в выдумках компиляторов, а в материалах достоверных, – вот мои правила непреложные! Могут найти в моем сочинении недосмотры, неосновательные выводы, недостатки искусства, плана, слога – все, что угодно; но в безотчетной доверчивости к современным сказаниям, не исключая самого Петра, тем менее в умышленном искажении истины не упрекнет меня никто.

Так сам г. Устрялов определяет нам характер и значение своего труда, и мы не можем не признать справедливости этого определения. У своих предшественников историков он нашел, как мы уже сказали, весьма мало, почти ничего. Ему предстояло самому все поверять, сводить, соображать, распределять, чтобы создать потом из всего этого стройный, живой рассказ. Мы не скажем ничего преувеличенного, если заметим здесь, что для истории Петра I, Устрялов сделал то же самое, что Карамзин для нашей древней истории. Само собою разумеется, что г. Устрялов нашел для своего труда все-таки гораздо более предшествовавшей подготовки, чем Карамзин. Но зато, вследствие этого обстоятельства, равно как и вследствие большего обилия средств и большей ограниченности самого предмета, труд г. Устрялова относительно полнее, нежели произведение историографа. В существенных же чертах оба они имеют большое сходство между собою. В том и другом на первом плане является собрание и проверка материалов, которые, собственно, и дают обоим произведениям право на ученое значение. Читателей – и та и другая история привлекают к себе красноречием, плавностью слога, искусством рассказа, живостью картин и описаний. В историко-литературном отношении то же сходство: Карамзин явился с своей историей после неудачных попыток Елагина, Эмина, Богдановича и пр.; г. Устрялов является после неудовлетворительных историй Петра, начинающихся с Крекшина, которого по цели его и по богатству вымыслов можно сравнить с Елагиным, – после Вольтера, Сегюра, Полевого... Карамзин имел пред собою добросовестный свод летописей – Татищева и довольно смышленную историю Щербатова;^[12] г. Устрялов тоже имел верный свод событий в истории Макарова, исправленной самим Петром, и нашел некоторое пособие в хронологическом сборе фактов, находящемся в «Деяниях» Голикова. Даже по самым внешним приемам, по расположению статей, примечаний и приложений, по манере изображения частных событий, – ни одна из исторических книг не напоминала нам так живо Карамзина, как «История Петра» г. Устрялова. Этот труд его достойно станет возле творения Карамзина, полный неоспоримых достоинств, хотя, конечно, не чуждый и некоторых недостатков.

Слишком долго было бы распространяться об общих требованиях, которые налагает на историка современное состояние исторических знаний и вообще просвещения. Место этим рассуждениям скорее в учебнике, нежели в журнальной статье. Но мы не можем не вспомнить здесь одного условия, соблюдение которого необходимо для истории, имеющей притязание на серьезное ученое значение. Это – идея об отношении исторических событий к характеру, положению и степени развития народа. Всякое историческое изложение, не одушевленное этой идеей, будет сбором случайных фактов, может быть и связанных между собою, но оторванных от всего окружающего, от всего прошедшего и будущего. Таким образом, история самая живая и красноречивая будет все-таки не более как прекрасно сгруппированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа. Участие это может быть деятельное или страдательное, положительное или отрицательное, – но, во всяком случае, оно не должно быть забыто историей. На него историк должен обращать главным образом свое внимание не только в общей истории, служащей изображением судьбы царств и народов, – но и в истории частных исторических деятелей, как бы ни казались они выше своего века и народа. Без сомнения, великие исторические преобразователи имеют большое влияние на развитие и ход исторических событий в свое время и в своем народе; но не нужно забывать, что прежде, чем начнется их влияние, сами они находятся под влиянием понятий и нравов того времени и того общества, на которое потом начинают они действовать силою своего гения. В

истории Петра, может быть, резче, нежели где-нибудь, высказалось как будто полное отрешение от прошедшего, полный и быстрый переворот волею одного человека, вопреки привычкам и инстинктам народным. Участие всего народа как будто стирается здесь пред могуществом его повелителя, и потому здесь понятнее, чем где-либо, допущение *исторической случайности* со стороны описателя деяний Петровых. Тем не менее нужно сказать, что и здесь допущение этой случайности будет несправедливо. Если автор не намерен входить в рассмотрение народной жизни, рассказывая дела своего героя; если он хочет представить исторического деятеля одного на первом плане, а все остальное считает только принадлежностями второстепенными, аксессуарами, существенно не нужными; в таком случае он может составить хорошую биографию своего героя, но никак не историю. История занимается людьми, даже и великими, только потому, что они имели важное значение для народа или для человечества. Следовательно, главная задача истории великого человека состоит в том, чтобы показать, как умел он воспользоваться теми средствами, какие представлялись ему в его время; как выразились в нем те элементы живого развития, какие мог он найти в своем народе. Смотреть иначе значило бы придавать гению значение, невозможное для человека. Известно всем и каждому, что человек не творит ничего нового, а только перерабатывает существующее, значит, история приписывает человеку невозможное, как скоро намеренно уклоняется от своей прямой задачи: рассмотреть деятельность исторического лица как результат взаимного отношения между ним и тем живым материалом (если можно так выразиться о народе), который подвергался его влиянию. Невыполнение этой задачи не заменяется никаким красноречием, никаким обилием фактов, относящихся к изображаемому лицу. Значение великих исторических деятелей можно уподобить значению дождя, который благотворно освежает землю, но который, однако, составляется все-таки из испарений, поднимающихся с той же земли. Простолюдину простиительно думать, что дождь хранится в небе в каком-то особом резервуаре и оттуда изливается в известные времена, по каким-нибудь особенным соображениям; но такое объяснение не должно иметь претензии на значение ученое и философское.

К сожалению, историки никогда почти не избегают странного увлечения личностями, в ущерб исторической необходимости. Вместе с тем сильно выказывается во всех историях пренебрежение к народной жизни, в пользу каких-нибудь исключительных интересов. Так, например, у самого Карамзина мы находим, что вся история народа пожертвована строгому и последовательному проведению одной идеи – об образовании и развитии государства российского. И самое развитие этого государства вовсе не представляется вытекающим из условий народной жизни, а является каким-то, чуть не административным, делом нескольких лиц. Народная жизнь исчезает среди подвигов государственных, войн, междоусобий, личных интересов князей и пр., и только в конце тома помещается иногда глава «о состоянии России». Но и тут больше толкуется о наследственных правах удельных князей, о славе России между иноземными державами и т. п., нежели об интересах, прямо касающихся народа.

Нельзя сказать, чтобы труд г. Устрялова совершенно чужд был той общей исторической идеи, о которой мы говорили; но все-таки очевидно, что не она положена в основание «Истории Петра». Автор посмотрел на свой труд более с биографической, нежели с общеисторической точки зрения. Оттого из «Истории» его вышла весьма живая картина деяний Петровых, весьма полное собрание фактов, относящихся к лицу Петра и к положению придворных партий, окружавших его во время детства и отрочества, нелюбезное изложение государственных событий времени Петра; но истинной истории, во всей обширности ее философского и прагматического значения, нельзя видеть в ныне изданных томах «Истории Петра Великого». Правда, что автор еще не дошел до той эпохи, когда Петр является во всем блеске своей преобразовательной деятельности, которою стал он в непосредственные отношения к народу. В первом томе «Истории» г. Устрялова изложено господство царевны Софии, во втором – потешные и Азовские походы, в третьем – путешествия Петра по Европе и разрыв с Швецией. Но и эти

события были бы, конечно, изложены иначе, если бы автор не руководствовался по преимуществу биографическим интересом и мыслью о государственном значении Петра для возвышения славы России, – а захотел бы придать своему труду более широкое значение. Чего искал автор в других историках и чего требовал от самого себя, – можно видеть из двух мест его «Введения». Исчислив историков Петра, он говорит в заключение: «Трудно самому невзыскательному любителю истории удовольствоваться подобными сочинениями о таком государе, как Петр Великий. Еще труднее положиться на них строгому исследователю, который желал бы видеть Петра в истинном, безукрашенном виде, и притом во всей полноте его величия» (стр. LI). В конце же «Введения» (стр. LXXXVII), определяя значение собственного труда, автор говорит: «Я старался изобразить Петра в таком виде, как он был на самом деле, не скрывая его слабостей, не приписывая ему небывалых достоинств, вместе с тем во всей полноте его несомненного величия». Из сравнения обоих мест очевидно, что сам автор смотрит на свое произведение как на труд преимущественно биографический, оставляя в стороне все высшие философско-исторические соображения.

Мы указываем на это вовсе не с тем, чтобы сделать упрек г. Устрялову, а единственно для того, чтобы определить, чего можно требовать от его истории и с какой точки зрения смотреть на нее, согласно с идеей самого автора. Мы очень хорошо понимаем, что от русского историка, изображающего события новой русской истории, начиная с Петра, невозможно еще требовать ничего более фактической верности и полноты. Мы еще не можем в своих исторических изысканиях отрешиться от интересов этого прошедшего, так близкого к нам и так постоянно, хоть иногда и незаметно, присутствующего в большей части явлений настоящего. Нам трудно, почти невозможно, избрать для какого-либо сочинения правильную и независимую точку зрения на события нашей новейшей истории именно потому, что они и в жизни современного нам общества еще продолжают во многом, еще не составляют прошедшего, совершенно законченного для нас. Поэтому, если бы и могла где-нибудь явиться строго соображенная, прагматическая история новых времен России, то это было бы не более как утешительным исключением из общей массы наших исторических трудов. Вообще же говоря, автор может давать себе задачу, какую ему угодно, и нельзя нападать на него за то, что он не избрал для разрешения другой, высшей и обширнейшей задачи. Критика указывает, что именно предполагал сделать автор, и затем смотрит уже на то, как выполнение соответствует намерению. Рассуждая таким образом, нельзя не назвать труд г. Устрялова весьма замечательным явлением в нашей литературе, и, вероятно, даже специалисты-ученые, занимающиеся русской историей, не много найдут в «Истории Петра» таких мест, которые можно бы было упрекнуть в неосновательности, в недостоверности или несправедливости. Повторим еще раз: то, что сделано г. Устряловым для истории Петра, по собранию материалов и по обработке их, можно сравнить только с тем, что сделано Карамзиным для нашей древней истории.

Указывая на биографический характер «Истории Петра», мы были бы несправедливы, если бы не остановились на первой главе «Введения» г. Устрялова, в которой он говорит о старой, допетровской Руси. Эта глава именно показывает, что автор не вовсе чужд общей исторической идеи, о которой мы говорили; но вместе с тем в ней же находится очевидное доказательство того, как трудно современному русскому историку дойти до сущности, до основных начал во многих явлениях нашей новой истории. Автор с самого начала выставляет два противоположные мнения о Петре: одно – общее, выраженное в официальном акте поднесения Петру императорского титула; другое – мнение защитников старой России, которых представителем является Карамзин. Первое выражается в словах акта, что «единым руководством Петра мы из тьмы ничтожества и неведения вступили на театр славы и присоединились к образованным государствам Европы». Сущность второго состоит в том, что и до Петра Россия «в недрах своих заключала обильные источники силы и благоденствия, обнаруживала очевидное стремление к благоустройству и образованию, знакомилась, сближалась с Европою, и хотя медленно, но

твердым и верным шагом подвигалась к той же цели, к которой так насильственно увлек ее Петр Великий, не пощадив ни нравов, ни обычаев, ни основных начал народности» («Введение», стр. XIV).^[13] Приводя оба эти мнения, г. Устрялов пытается решить: что же была Россия до Петра, необходим ли был для нее переворот? – и для этого рассматривает *светлую* и *темную* сторону допетровской России. В том и в другом случае он представляет *факты*, сопровождая их некоторыми общими замечаниями. Но сопоставление этих *светлых* и *темных* фактов далеко не разъясняет нам исторического положения древней Руси и дает много оснований не принимать той точки зрения, которую представляет нам г. Устрялов. Говоря о светлой стороне Руси до Петра, он начинает с того, что издавна все иноземцы удивлялись обширному пространству России, обилию естественных произведений, безграничной преданности всех сословий государю, пышности двора, многочисленности войска; но при этом считали Русь державою нестройною, необразованною и малосильною. «Но чужеземный взор, – замечает г. Устрялов, – не мог заметить в ней ни зрелого, самобытного развития государственных элементов, ни изумительного согласия их, которое служит основой могущества гражданских обществ и не может быть заменено никакими выгодами естественного положения, даже успехами образованности». Затем автор «Истории Петра Великого» подробно развивает свою мысль, показывая, в какой степени развиты были у нас основные государственные элементы, служащие основой могущества и благоденствия гражданских обществ. Оказывается, что они были развиты как нельзя лучше и что в этом отношении Россия стояла несравненно выше Западной Европы. Мы не станем пока говорить, какие именно элементы разумеет г. Устрялов под именем *основных*, и перейдем к *темной* стороне, указанной им же. Рассмотрение этой темной стороны приводит его к заключению, что «нигде положение дел не представляло столь грустной и печальной картины, как в нашем отечестве» (стр. XXII), и что «Россия, невзирая на *благотворное развитие основных элементов своих*, далеко не достигла той цели, к которой стремились все государства европейские и которая состоит в надежной безопасности извне и внутри, в деятельном развитии нравственных, умственных и промышленных сил, в знании, искусстве, в смягчении дикой животной природы, одним словом – в том, что украшает и облагораживает человека» (стр. XXV). Если так, то всякий вправе спросить: что же это значит, что при совершенном и благодетворном развитии основных элементов возможно было подобное, крайне печальное, положение дел? «Стародавняя Россия заключала в недрах своих главные начала государственного благоустройства», – говорит г. Устрялов и вслед за тем приводит факты, доказывающие крайнее расстройство. «Россия не уступала ни одному благоустроенному государству в том, что составляет главную пружину благоденствия общественного», – говорит он в другом месте и тотчас же, в собственном изложении, доказывает нам «тягостное положение России», бедствия, недовольство, ропот народа и прочее. «В России было зрелое развитие элементов, служащих основой государственного могущества», – утверждает также г. Устрялов в третьем месте и сам же излагает потом такие факты, после которых не может не воскликнуть: «Можем ли после сего гордиться тогдашним политическим могуществом?» (стр. XXIII). Виною всех этих противоречий – не опрометчивость автора; напротив, он очень осмотрителен в своих суждениях. Всеми виною здесь весьма обыкновенное в наших исторических сочинениях смешение двух точек зрения: государственной и собственно народной. Всякому мыслящему человеку понятно, что между этими точками зрения очень много общего и что смешать их вовсе не мудрено. По-видимому, незачем и различать их: государство приобретает новые средства – народ богатеет; государство принуждено выдержать невыгодную войну – весь народ чувствует на себе ее тяжесть; в государстве улучшается законодательство – народу лучше жить становится и т. д. Так бы, конечно, и должно быть, если бы интересы государства и народа всегда были нераздельны и тождественны. Но часто мы видим в истории, что или государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс, или между государством и народом являются посредники – вроде каких-нибудь сатрапов, мытарей и т. п., – не имеющие, конечно, силы унизить вели-

чие своего государства, но имеющие возможность разрушить благоденствие народа. Оттого результат воззрения государственного бывает в истории чрезвычайно различен от результата воззрения народного. Первое воззрение заключает в себе более отвлеченности и формальности; оно опирается на то, что должно было бы развиться и существовать; оно берет систему, но не хочет знать ее применений, разбирает анатомический скелет государственного устройства, не думая о физиологических отправлениях живого народного организма. Вот почему и *светлая* сторона древней Руси у г. Устрялова так богата общими положениями и не представляет почти ни одного факта, тогда как *темная* состоит исключительно из указаний на факты народной жизни.^[14] Там разбирается у него государственная система, а здесь берется во внимание народная жизнь. Г-н Устрялов не дает преимущества ни той, ни другой стороне предмета и даже, как видно, не совсем ясно различает их. Оттого и выходят видимые противоречия в его суждениях. Доказывая расстройство народной жизни, он тем самым доказывает несостоятельность и самой государственной системы, тем более что бедственное положение народа имело, по собственному сознанию историка, печальное влияние и на государственную славу России. Словом – *темная* сторона опровергает то, что сказано историком о *светлой*. Чтобы еще более убедиться в этом, рассмотрим в некоторые подробности.

Посмотрим сначала на общий вывод, который делает г. Устрялов из обозрения *светлой* стороны России. Вот его заключение (стр. XXI):

Таким образом, стародавняя Россия заключала в недрах своих главные начала государственного благоустройства: она имела правление крепкое, единоедержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь в наилучших отношениях к миру и к верховной власти, определенную в правах и обязанностях своих служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освященные опытом, мудростию веков. Единство веры, языка, управления скрепляло все части ее в одно целое, в одну могущественную державу, готовую по первому мановению царя восстать на своих врагов.

Казалось бы, чего же лучше? Сам историк, начертавши эту великолепную картину древней Руси, не мог удержаться от вопросительного восклицания: «Чего же недоставало ей?» Но на деле оказалось совсем не то: древней Руси недоставало того, чтобы государственные элементы сделались в ней народными.^[15] Надеемся, что мысль наша пояснится следующим рядом параллельных выписок из книги г. Устрялова, приводимых нами уже без всяких замечаний:

(Стр. XIX.) «Правительственная система наша выражала ясную идею правительства о необходимости закона твердого, неприкосновенного, о водворении доброй нравственности, о возможном облегчении народа, о защите чести его и достояния». – (Стр. XXIV.) «Пытки составляли необходимую принадлежность розыска по делам уголовным и преступлениям государственным. Столь же ненавистный, столь же бесчеловечный правящий отдавал бедных должников в жертву немилосердных заимодавцев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Цитата из статьи Белинского «Россия до Петра Великого» (Белинский, V, стр. 105).

2.

Речь идет об индийском национальном восстании 1857–1859 годов, направленном против английского колониального господства (см. в т. 2 наст. изд. статью Добролюбова «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» и прим. к ней).

3.

Аболиционисты – сторонники движения за освобождение негров, возникшего в конце XVIII века в США, Франции и Англии; особенно широкое распространение аболиционизм получил в США, сыграв важную роль в подготовке Гражданской войны (1861–1865) за отмену рабства.

4.

Намек на магистерскую диссертацию В. В. Григорьева «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству» (М., 1842). О реакционной позиции Григорьева в 1850-е годы см. в наст. томе прим. 14 к статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым».

5.

Добролюбов имеет в виду статью И. Назарова «Сказания о Мамаевом побоище» («Журнал министерства народного просвещения», 1858, ч. ХСІХ, стр. 33–107).

6.

Говоря о «ловкости рассказа», Добролюбов, несомненно, намекает на книгу Устрялова «Историческое обозрение царствования государя императора Николая I» (СПб., 1847), просмотренную и одобренную самим Николаем.

7.

Имеются в виду следующие издания: И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. 12 частей. М., 1788–1789; «Дополнения к «Деяниям...» 18 частей. М., 1790–1797 (второе издание в 15 томах, объединившее все части, вышло в 1837–1843 годах); историком Г. Ф. Миллером подготовлены: «Письма Петра Великого... графу Борису Петровичу Шереметеву» (М., 1774) и «Письма к государю императору Петру Великому от... графа Бориса Петровича Шереметева» (чч. I–IV, М., 1778–1779); В. Н. Берхом подготовлено «Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные» (чч. I–IV, СПб., 1829–1830).

8.

Феофану Прокоповичу принадлежит «История императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии», впервые издана М. М. Щербатовым (СПб., 1773). Барон Гизен, состоявший при Петре I на русской дипломатической службе, составил «Журнал государя Петра I с 1695 по 1709 г.», опубликован Ф. Туманским в 1787 году в «Собрании разных записок и сочинений...» (части III и VIII).

9.

Сочинение П. Н. Крекшина «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого» полностью не издано; первая его часть опубликована И. Сахаровым в «Записках русских людей. События времен Петра Великого» (СПб., 1841).

10.

Имеется в виду труд В. Н. Татищева «История Российская с самых древнейших времен» (книги I–IV, М., 1768–1784; кн. V, М., 1848).

11.

Здесь Добролюбов дважды указывает на «труды» самого Устрялова; приведенная фраза является дословной цитатой из его учебного курса «Русская история» (ч. III, СПб., 1838, стр. 31), далее же – намек на его книгу о Николае I (см. прим. 6). Как очевидно, цензура это разгадала, и в «Современнике» вместо текста от слов – «Давно ли мы» до слов «и упоминать нечего» было: «Очень может быть, что результат их исследований в самом деле будет справедлив; но самый прием все-таки неверен в отношении к науке, потому что историк должен иметь в виду только одно отыскание истины».

12.

Добролюбов перечисляет следующие исторические работы: И. П. Елагин. Опыт повествования о России (М., 1803); Ф. А. Эмин. Российская история (тт. I–III, СПб., 1767–1769); И. Ф. Богданович. Историческое изображение России (СПб., 1777); Вольтер. История Российской империи в царствование Петра Великого (2 тома, 1759–1763; русский перевод: чч. 1–2, М., 1809); Ph. P. Ségur. Histoire de Russie et de Pierre le Grand, Paris, 1829 (Ф. П. Сегюр. История России и Петра Великого, Париж, 1829); Н. А. Полевой. Европа, Россия и Петр Великий (1841), Завоевание Азова в 1696 году (1841), История Петра Великого (1843), Обзорение русской истории до единодержавия Петра Великого (1846) и др.; М. М. Щербатов. История российская от древнейших времен (7 томов, 1770–1791).

13.

Устрялов приводит мнение Карамзина, высказанное в его «Записке о древней и новой России» (см. прим. 35).

14.

От слов «если бы интересы государства и народа» (строка 14 св.) до слов «из указаний на факты народной жизни» в «Современнике» иная редакция: «... и должно быть по теории; но на деле не всегда так бывает. Не так было и в жизни древней Руси. Развитие государственных начал не всегда сопровождалось действительным развитием благоденствия в народной жизни, и этим объясняется кажущаяся несообразность светлой и темной стороны древней России в изложении г. Устрялова».

15.

Выражение «чтобы государственные элементы сделались в ней народными» в «Современнике» дано в иной редакции: «чтобы государственные ее начала вошли в дух народа, укреплялись в народной жизни и нравственности».

48.

Речь идет о статье П. К. Щербальского («Русский вестник», 1856, март, кн. 1 и 2; апрель, кн. 1, и май, кн. 1).